

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ, МНОГООБРАЗИЕ

CULTURAL POLICY: INTERACTION OF STATE AND SOCIETY, MANUFACTURABILITY, DIVERSITY

S. Gavrov

Annotation

The article considers the role of culture in the development of the contemporary Russia. The author gives the justification of the necessity of conceptual comprehension of the evolution of the Russian state cultural policy. The author emphasizes that only the understanding of the peculiarities of the region can make the cultural policy more effective, highly technological and less expensive.

Keywords: Cultural policy, culture, society's cultural level.

Гавров Сергей Назипович

*Доктор философских наук,
Ведущий научный сотрудник,
Российский институт культурологии,
г. Москва*

Аннотация

В статье рассматривается роль культуры в развитии современной России. Обосновывается необходимость концептуального осмысления эволюции государственной культурной политики России. Автор подчеркивает, что только понимание особенностей региона может сделать проводимую культурную политику более эффективной, высокотехнологичной и менее затратной.

Ключевые слова:

Культурная политика, культура, культурный уровень общества.

В последнее десятилетие возросло количество научных публикаций, в том числе диссертаций, посвященных проблемам культурной политики. Показательным является тот факт, что авторы ряда исследований обращаются не только к государству как важнейшему субъекту культурной политики, но и к иным акторам, действующим на этом поле. Ученые, занимающиеся данной проблематикой, особый интерес проявляют к зарубежному опыту взаимоотношений в сфере культуры.

Публикации самых последних лет свидетельствуют о желании утвердить научный подход к изучению политики в сфере культуры в целом и региональной культурной политики в частности; все заметнее стремление преодолеть господствовавшие некогда идеологические стереотипы. К такого рода исследованиям относится и монография Л.Е. Вострякова "Государственная культурная политика: понятия и модели", вышедшая недавно в издательстве СЗИУ РАНХиГС [1]. Следует отметить, что масштабная включенность текстов Л.Е. Вострякова в научный оборот во многом определяется практическим использованием автором концептуальных схем и социокультурных разработок, посвященных культурной политике. В этом проявление синергии научного и практического признания, подкрепленного концептуально значимыми статьями в российских и зарубежных научных изданиях, опубликованных автором в последние годы [2; 3; 4].

Актуальность концептуального осмысления эволюции государственной культурной политики в России не вызывает, да и вряд ли может вызвать какие-либо сомнения в научном и управленческом сообществе. Успех или неуспех социально-политических преобразований постсо-

ветских лет решается на местах, в регионах, обладающих локальной географической, экономической, политической, этнорелигиозной спецификой. Значимость изучения политических процессов на местах, в регионах России, нельзя переоценить.

Согласно исследованию Л.Е. Вострякова, с методологической точки зрения следует различать:

а) идеологическо-концептуальный уровень культурной политики, на котором формулируются основные положения, раскрывающие ценности и идеалы общества и государства, или приверженность определенному набору целей культурного развития. По сути дела, это уровень политической философии государства или отдельных его субъектов в отношении культурной политики, выражающей основные ценностно-смысловые ориентиры ее развития, те идеалы и принципы, во имя которых, в конечном счете, и совершаются изменения;

б) политический уровень, на котором социально-философские принципы и идеалы трансформируются в конкретные установки и требования политической элиты в отношении культуры, формируя, таким образом, нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования культурного поведения граждан в определенном культурном пространстве;

в) практический (поведенческий) уровень, который характеризует степень освоения людьми целей и принципов данной идеологии, меру воплощения идеологических установок в практических делах и конкретных поступках [1, с. 7].

Размышляя о культурной политике, нельзя не согласиться с Л.Е. Востряковым в том, что какой она должна

быть, в чьих интересах проводиться, – вопрос сугубо политический. Культурные отличия очень важны в эгалитарных обществах, они служат своеобразным проявлением социальной иерархии. По П. Бурдьё, эти неуловимые отличия определяются как габитус, заметные отличия между нами, по которым мы относим человека "к своим или чужим", в том числе позволяя отличать тех, кто вершину социальной пирамиды, от тех, кто составляет массу в ее основании.

В классовом обществе культурная политика неизбежно, или почти неизбежно, служит сохранению социального деления общества. Так, в США, например, существует статистически значимая закономерность, согласно которой, чем люди богаче, тем больше они обращаются к искусству, классической музыке.

Это не значит, что зарабатывая больше денег, американцы просветляются духовно. Это означает лишь, что они начинают играть роль экономической элиты, которая по определению находится во взаимодействии с элитой культурной.

Высокая культура это вообще нечто "лишнее", избыточное для повседневной жизни масс, востребованными оказываются в основном рекреационные функции культуры. В большинстве своем люди готовы оплачивать эту культуру напрямую или опосредованно, потребляя рекламу, испытывая потребность в основном в том, что утилитарно, в том, что помогает улучшить качество жизни в их понимании. Иными словами, преимущественно люди готовы улучшить качество жизни, обеспечивая удовлетворение потребностей, относящихся к нижним уровням пирамиды Маслоу, всячески сопротивляясь проявлять интересы, соответствующие ее верхним уровням. Отсюда, например, и такая популярность кулинарных шоу, многочисленных "похождений звезды" в частной жизни, в том числе на кухне.

Говоря в терминах Маслоу, эта культура утилитарна, она обслуживает почти исключительно нижние, базовые, физиологические потребности человека. При этом проявляется минимальный уровень культурной репрессии, да и зачем репрессировать, мобилизовывать переход энергии из сферы инстинктов в область социальных достижений для массы людей. Так массой легче управлять, так она более удовлетворена занимаемым общественным положением, так проявляется политическая сущность культурной политики, так воспроизводится деление общества на массы и на элиту, на тех, кто управляет и кто подчиняется.

Для воспроизводства элиты, в том числе культурной, эта сублимация–перераспределение энергии из сферы инстинктов в сферу социальных достижений просто необходима. Потому и "высокая" культура по определению элитарна. Элитарна совсем не потому, что записи произведений Баха или Чайковского недоступны, но потому, что потребность обращаться к ним является прерогативой элиты, ее "знаками отличия", ее габитусом.

Естественно, что говорим мы здесь больше о западе, а не о России, не успевшей пока переструктурировать общество, в том числе в сфере производства и потребле-

ния культурного продукта. На западе общество более структурировано, разделение на элиту и массу имеет выработанную культурную основу, различие в семейных традициях, образовании, того, что составляет социальный капитал личности.

В России мы до сих пор имеем дело с социальным капиталом, нарабатанным в годы советской власти, с последствиями уникального социального эксперимента по транслированию высокой культуры в массы, определения ее в качестве нормативной для всех, эксперимента по нормативной замене высокой культурой культуры массовой.

Эта целенаправленная политика повышала культурный уровень общества, в то же время порождая удивительные для стороннего наблюдателя прекося в оценке того или иного культурного продукта на советском "черном" рынке. То, что в мире не стоит ничего или почти ничего, стоило дорого, то, что везде стоило дорого, было знаковым выражением элитарности, не стоило почти ничего.

Советский эксперимент показал, что при помощи целенаправленной государственной культурной политики массы можно менять лишь отчасти, они все равно испытывают потребность в "массовом", в том, что обслуживает "нижние", базовые уровни человеческих потребностей. Почти в одно и то же время в СССР "на ура" прошла первая свободная подписка на трехтомник Пушкина, собравшая невообразимую сегодня цифру в 10 миллионов, и стали распродаваться тиражи газеты СПИД-инфо, глянцевого журналов, детективов.

Опыт СССР показал, что только управляемая целенаправленная культурная политика может подготавливать массы к восприятию образцов высокой культуры, способствовать формированию потребности в них. Развитие культуры в более естественной форме всегда будет следовать социальной структуре общества, работать на ее консервацию/воспроизведение.

От этих теоретических и исторических размышлений обратимся к культурной политике в постсоветской России. Заметим, что она не имеет единства на уровне идей, а также слабо структурирована. Эклектика и отсутствие организующей идеи и есть ее идея и стиль. И такое положение вполне закономерно для постреволюционного двадцатилетия, ситуации, когда советский социально-культурный эксперимент по определению высокой культуры как нормативной для всех закончился. Новый человек стал ненужным. Востребованным стало традиционное воспроизведение общества в его социальной стратификации, воспроизводство управляющих и управляемых. Последние должны занимать подчиненное положение не только исходя из своих совокупных материальных активов, но и из базового для такого разделения культурного и образовательного ценза, который неизбежно должен отличаться от культурного и образовательного ценза управляющей элиты.

Здесь возникает логическое противоречие между свободой личностного выбора и несвободой социального положения, определяемое в том числе и отличиями соци-

ально-экономического развития регионов. Этой объективной ситуации соответствует и гипотеза Л.Е. Вострякова, согласно которой в целом для России с ее высоким уровнем региональной дифференциации ни одна из действующих в современных условиях моделей государственной культурной политики – ни патерналистская, ни рыночная, – не может быть использована как базовая. Их следует позиционировать как имеющие право на существование в различных пропорциях в разных по социально-экономическому положению регионах. Не существует неизменной эффективной универсальной модели на все времена, поэтому государственная культурная политика должна с течением времени пересматриваться, как и концептуальные идеи, которые лежат в ее основе [1, с. 161–162].

Мы знаем, что Российское государство отличается от других стран не только размерами территории, но и различным уровнем развития своих регионов, их экономической и культурно-цивилизационной разнородностью. Некоторые из них, прежде всего Москва и Санкт-Петербург, перешли к постиндустриальной модели развития, другие продолжают развиваться преимущественно в рамках индустриальной модели, третьи не могут выйти за рамки преимущественно аграрной модели развития. Естественно, что культурная политика в столь различных регионах должна быть адресной, а отнюдь не унитарно-универсалистской. Только понимание особенностей региона может сделать осуществляемую культурную политику более эффективной, высокотехнологичной и менее затратной.

По этой причине согласимся с необходимостью разработки теоретических оснований формирования субъектно-ориентированной региональной культурной политики современной России и последующей эмпирической проверки уровня готовности действующих на региональном уровне акторов к реализации ее общественных целей. Естественно, что решение столь масштабной цели требует решения локальных, но от того не менее увлекательных исследовательских задач. Прежде всего, на наш взгляд, представляется целесообразным:

- ◆ обобщить и систематизировать сложившиеся в мировой и российской науке подходы к изучению государственной культурной политики и оценить их возмож-

ности для определения оптимальной модели культурной политики для современной России;

- ◆ обосновать понятийный аппарат и основные положения субъектно-деятельностного подхода применительно к региональной культурной политике России;

- ◆ раскрыть динамику изменений акторов культурной политики регионального уровня в рыночных условиях;

- ◆ выявить межстрановые различия в системах представлений администраторов и менеджеров культуры о внешних и внутренних ресурсах управленческой деятельности; оценить состояние и выявить динамику системы представлений руководителей государственных органов культуры регионального уровня в период рыночных реформ;

- ◆ определить и обосновать основные проблемные зоны, существующие в сфере культурной политики различных стран Европы и России посредством использования серии интервью с управленцами Европы и России разных иерархических уровней управления сферы культуры;

- ◆ представить социокультурные различия воззрений отечественных и зарубежных управленцев сферы культуры с учетом их представлений о культурной политике в целом, особенностях профессионализации, оценке (и самооценке) качеств, посредством которых осуществляется управление в сфере культуры;

- ◆ провести сравнительный анализ представлений об успешном управленце культуры российских (на примере Северо-Запада России) и европейских администраторов и менеджеров культуры.

Мы разделяем также и ту позицию, что сравнительные межстрановые исследования могут стать необходимым фундаментом для разработки перспективных моделей государственной культурной политики, помогут осознать, каким путем следует идти России уже в ближайшем будущем, исходя из понимания того, что общего и специфического есть в культурной политике России и стран Европы. Особую значимость в этой связи приобретает сравнительный анализ концептуальных основ государственной культурной политики и мер по ее практической реализации, как это видят сами субъекты культурной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: понятия и модели: монография. СПб.: Издательство СЗИ РАХНиГС, 2011.
2. Востряков Л.Е. Европейские и российские администраторы культуры: образ идеального управленца // Россия и современный мир. 2004. № 4. С. 39–55.
3. Востряков Л.Е. наброски к социально-политическому портрету региональных управленцев культурой // Политическая экспертиза: Политэкз. 2006. Т. 2. № 4. С. 166–177.
4. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 140–155.